

СПЕЦИФИКА ДИАЛОГИЧНОСТІ Н. БЕРДЯЄВА**Галина ДЬЯЧЕНКО (Луганск)**

У статті пропонується аналіз текстової діалогічності М. Бердяєва, в результаті якого виявлено її нетривіальний характер: «діалогічність» Бердяєва монологічна внаслідок глибоко особистісної екзистенціальної природи його філософського дискурсу. Визначаються механізми присутності «іншого» в дискурсі філософа, описується їх функціональний смисл.

The paper deals with the analysis of Berdyaev's dialogic manner defining its untrivial character. Berdyaev's «dialogic manner» is a monologue due to the deeply personal existential nature of the his philosophical discourse. The mechanisms of the «Other's» presence in the philosopher's discourse are established and their functional roles are described.

Філософський стиль Бердяєва характеризується конститутивної для творчества цього мислителя «діалогічністю», которая проявляється во множестве ипостасей: глибокою ерудиції, любові к спорам и жарким дискуссиям, полемичности текста, духовно-практическом воздействию на входящего с ним во взаимодействие. Другой присутствует на всех стадиях рождения философии, как кажется, в качестве полноправного его участника – сотворец, философский персонаж и адресат. Охватывая процесс порождения текста Бердяевым на всех стадиях его существования, Другой в «дотекстовом» моменте – соучастник и двигатель рождения идей, Другой в «текстовом» измерении – противник и действующее лицо сюжета, и, наконец, Другой в «послетекстовой» реальности – тот, на кого и рассчитана эта огромная идеологически воздействующая машина, порождающая эффект пневматерапевтического воздействия на сознание [12]. Однако Другой в качестве цели воздействия заставляет переосмыслить тривиальное значение понятия «диалогичности» в применении его к Н. Бердяеву. Тексты этого философа по своей интенции – это проповедь, откровение, рассчитанные на благоговейное внимание, а не на проблемный ответ. Бердяев диалогичен, однако в нетривиальном смысле слова: его «диалогичность» монологічна вследствие своей глибоко личной екзистенціальної природи.

Раскроем смысл «экзистенциально-монологической диалогичности» Бердяєва на материале его ранних статей, где еще идет поиск стиля и собственно бердяевские приемы наиболее эксплицитны. Целью исследования является анализ представленности другого сознания в философском дискурсе Николая Бердяєва, а также выявление механизмов его присутствия в «дотекстовой», «текстовой» и «затекстовой» стадиях существования философского дискурса.

Порождение творческих идей философом основано на особом идейном взаимодействии с современными и предшествовавшими мислителями. Биограф и друг философа Д. Лоури отмечал, что «даже беглое знакомство с бердяевскими работами убеждает читателя в его поразительном универсальном знании философов и мислителей от

Платона и отцов церкви до Бергсона и Сартра [14, 242]. Однако данный факт в бердяеведении имеет и другую линию интерпретации, известны обвинения Бердяева в компилятивности. Еще современник А. Белый охарактеризовал мысль Бердяева так: «...мировоззрение Бердяева мне виделось станцией, через которую лупят весь день поезда, подъезжающие с различных путей, собственно идей Бердяева среди «идей Бердяева», бывало, нигде не отыщешь: это вот – Ницше; это вот – Шеллинг; то – В. Соловьёв; то – Штейнер, которого он всего-навсего перелистал; мировоззренье – центральная станция; а Бердяев в ней, исполняющий функцию заведующего движением, – скорее всего чиновник и менее всего творец; акцент его мысли – слепой, волевой, беспощадно насилующий догматизм в отборе мыслей ряда философов; он как бы ордонировал: «А подать сюда Соловьёва! А подать сюда Ницше!» Порядок же пропуска поездов исполнялся жандармами от якобы «интуитивного ведения», верней, – собственного произвола, вне которого и нет «центральной станции» [1, 414]. В своем четырёхтомном исследовании немецкий адепт и популяризатор Бердяева В. Дитрих попытался исчислить чужие влияния на философа. В результате при чтении этого труда возникает впечатление, что Бердяев состоит сплошь из мыслей других философов! Не стоит все же чрезмерно преувеличивать роль так называемых «влияний», поскольку в мысли русского религиозного философа следует искать прежде всего то оригинальное ядро, первичную интуицию, из которой впоследствии развилась самобытная мысль, хотя бы ее ореол был составлен из целого «винегрета» влияний. Однако констатировать влиятельную включенность идей других в идейный поток Бердяева необходимо.

Порождение и заострение идей у Бердяева проходило в жаркой полемике с окружающими. Посещая вечера у друзей-мыслителей и устраивая их у себя дома в Москве, Париже, как отметил приятель философа Б. Зайцев, «бурный и вечно кипящий» [10, 21] Бердяев всегда спорил так, что летели искры. Ему было трудно осознать, что другие могут придерживаться отличных от его собственных мнений - истины, как он считал [14, 207]. Современница философа З. Гиппиус высказывает следующую примечательную гипотезу, объясняющую, почему их общий знакомый Д. Философов Бердяеву не доверял: «может быть, его отталкивала неудержимая страсть Бердяева к полемике, даже в тех случаях, когда она не была неуместна» [10, 29]. Полемика с окружающими распалая философа, она заряжала мотивами творчества. Философ говорил о себе, что его «мысль никогда не была сведением счетов с собой, борьбой со своим бессознательным. Она была борьбой с врагом» [5, 266]. И наконец, полемичность философа переключивается из режима реальной полемики в виртуальный ее аналог: в явном или скрытом виде полемичность является непременным атрибутом сюжета и композиции

статей и книг философа. Наиболее ярко выражена она в ранних работах философа.

В целом бердяевские тексты могут быть охарактеризованы в терминах благородной войны: обличение, противостояние, борьба, уничтожение, бой и т. д., что уже заметили его современники: «У Бердяева прекрасные руки, он любит перчатки, может быть, в память того бранного значения, которое брошенная перчатка имела в феодальное время. Темперамент у Бердяева боевой. Все статьи его, даже книги – атаки» [10, 31]. Для философа характерны эмоциональность, безапелляционная оценочность, что проявляется в использовании слов с позитивной или негативной коннотацией со значением семантической безысключительности, а также слов, закрепленных в языке для реализации эмотивной функции речи. Его текст не пример философской рефлексии, это жаркая обличительная отповедь-проповедь. «Я хотел бы, чтобы было наложено клеймо позора на тех, которые нагло и беззастенчиво совмещают в себе безобразное противоречие - признание за человеческим духом безусловной ценности, с одной стороны, и оправдание гнета, эксплуатации и нарушения элементарных прав человека – с другой» (1903 год) [9]. Чрезвычайно показателен в отношении эмоционально-оценочных ярлыков и метафорических переносов следующий пассаж из ранней статьи «Великий Инквизитор»: «Официальные служители церкви, современные книжники и фарисеи, черные первосвященники, благословляющие преступления этого мира, если они совершаются власть имущими, бюрократические клерикалы вроде Победоносцева, все эти маленькие инквизиторы - агенты Великого Инквизитора, отвратились в сердце своем от Христа и совершают надругательство над Духом» (здесь и далее курсив наш - Г. Д.) [3].

Характерно для Бердяева начало книги с определения врага, с деклараций того, с чем он идет на бой. И если в позднем творчестве это выражено чаще подспудно, то в предисловии к сборнику ранних статей 1906-го года «Новое религиозное сознание и общественность» философ прямо позиционирует непримиримых противников. «Книга эта направлена против трех исторических сил, трех могучих течений, сходящих со сцены и вступающих на сцену истории: 1) против старой, омертвевшей церкви, старого, остановившегося религиозного сознания и освященной им государственности; 2) против позитивизма и атеизма, старого рационалистического сознания и освященной им социал-демократической лжерелигии; 3) против анархического иррационализма, хаотической мистики и основанного на них общественного нигилизма» [2, 6]. Начинание с отталкивания – мыслительный и текстовый стимул творчества. «Прежде всего я бы хотел отвергнуть...» – именно такой зачин, где философ спешит «дать» негатив, можно назвать фирменным бердяевским знаком: «Прежде всего я бы хотел отвергнуть

моралистическое, кантовско-толстовское понимание религии, которое видит в моральности самую сущность человеческой природы, то, что делает человека человеком – образом и подобием Бога [6, 26]. В каждой работе философ многое отвергает, но ведь и что-то исповедует, однако делает это так, что и отрицательные и положительные идейные доводы разбирает по составу, перемалывает каждый компонент, а затем постулирует свое через расстановку новых акцентов в диссоциированных таким способом идеях. Только свой конструкт философ не собирает до полной понятийной ясности, а оставляет его зачастую в аморфной текучести мысли как возможность, потенцию для конструирования его читательским сознанием. Отсюда хроническое непонимание Бердяева, от которого он страдал всю свою жизнь, доходившее до того, что идейные враги его хвалили, а единомышленники ругали. Бердяевский текст, по меткому выражению современника философа Ф. Степуна, – это «словесный лабиринт», и в нем нужно быть «своим» [11, 489], чтобы разобраться, что же философ отвергает, а что исповедует. Такая организация мысли и сюжетики текста породила особое влияние на людей, входивших с ними во взаимодействие. Степун заметил, что очарование Бердяевым всегда было больше его влияния, философ имел много почитателей, но едва ли несколько учеников. Очень характерно для его славы, что он всегда много значил для изучающих его, но был, вероятно, бегло прочитан ими и никогда не был в действительности понят [14, 108]. Кроме того, Пауль Мердок сделал наблюдение, что во вторичной литературе по Бердяеву более воодушевления, чем серьезной дискуссии [15, 4]. Таким образом, противоречия во мнениях есть необходимое условие для побуждения души к мышлению. Противоречивость изложения собственных позиций является побуждением к творческой активности воспринимающего сознания, философия Бердяева существует только в режиме сотворчества. Статьи из сборника «Новое религиозное сознание и общественность» насыщены обстоятельной полемикой против Ницше, Маркса, Победоносцева, Штирнера; он изобилует конкретикой несогласия, а не катафатически-утверждающей манифестацией собственного мира. «Позитива» как такового-то еще и нет. Генезис собственно авторского в этой философии специфичен: он вытягивается из расплавленных идей других. И то не до конца, не до четких понятийных формулировок. Таким образом, можно говорить о том, что онтогенез ранних бердяевских работ отражает генезис всей его философии.

Философ выступает в образе воина-рыцаря, в благородном гневе ополчившегося на нечестивцев: «Всякому образу звериному в политике государственности, образу старому и образу новому, злу изначальному, прошлому, и злу конечному, будущему, должна равно быть объявлена война, но воевать со злом должно не злым путем, не силой зла же, а силой добра» [4, 125]. Исключительно бердяевским по манере является

следующий литературный прием, используемый им в сюжетной организации философского дискурса. Философ персонифицирует враждебные ему идеи и вводит в ткань текста особых персонажей - «оппонентов» с целью наглядности и определенности в ведении спора и утверждении своей истины. Бердяев словно плетет диалог из реплик оппонентов и своих дискредитирующих их оценок. «Скажут: социал-демократы прежде всего хотят сделать всех людей богоподобными, всех уравнивать, а не одного возвеличить. Но это самообман» [8, 137]. И далее: «Предвижу негодующее возражение против всего сказанного мною о социал-демократии, хотя говорил я лишь о зачинающейся в ней религии. Еще раз скажут: слишком много говорите о каком-то несуществующем зле будущего, в то время, как так ужасно зло прошлого и со злом этим борется социализм; нужно уничтожить рабство и эксплуатацию, политический и экономический гнет, а потом уже говорить обо всем этом. Это - банальное и близорукое возражение. Ужасно зло прошлого, зло изначальное, рабство элементарное; должно освободить от него человечество, и я буду говорить о правде социализма в этом освобождении [8, 157-158]. В соединении с образно-метафорическим экспрессивным способом ведения полемики реплики Бердяева против оппонентов обретают особую суггестивную силу: точность и наглядность образных характеристик, а также пламенное горение их автора за правду и свободу личности «каждого из человек» бессознательно вызывает симпатию и поддержку в воспринимающем сознании. «Я уже вижу маленьких земных бесенят, прыгающих в глазах экономических материалистов, маленький рассудок заставляет их смеяться. С уверенностью людей, знающих тайну этого мира, говорят они: это – наивность, идеалистическое прекраснодушие или хитрость буржуазного инстинкта самосохранения. Все их заученные слова мне хорошо известны, и жесты их так однообразны [7, 180].

Персонификация чуждых идейных установок в сниженном облике их носителей актуализирует также исходное качество человеческого мышления в терминах бинарных оппозиций «МЫ/ОНИ», «СВОЙ/ЧУЖОЙ», архетипичность и укорененность которых в глубинных уровнях сознания после исследований первобытного мышления очевидна (См: К. Леви-Стросс, Л. Леви-Брюль, Д. Фрэнгер и др.). Такая смысловая композиция программирует воспринимающее сознание на автоматическое попадание в лагерь «МЫ», а значит включает адресата в ряды единомышленников. «Но государственники ставят свое проклятое Богом государство выше добра, выше воли Бога, им нужно почему-то поддерживать порядок в жизни, продлить существование ни к чему не нужного мира. Мы, говорят они, убиваем, казним, насилуем, воздвигаем тюрьмы и выстраиваем штыки, чтобы мир не провалился, чтобы порядок в мире сохранялся» [2, 211].

Таким образом, эмоциональность, безапелляционная оценка, метафорические образы-ярлыки, а также изначальное определение врага, его персонификация и построение текста в режиме диалоговых реплик МЫ/ОНИ призваны изоциренно нейтрализовывать проблемного Собеседника, программируя читателя на единомыслие с автором. Бердяев ищет или сам возделывает своего Двойника [13]. Внешняя дифония сюжетно-композиционной организации мысле- и текстотворчества философа является специфическим механизмом достижения суггестивного воздействия на входящего с философом во взаимодействие.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Белый А. Между двух революций. Воспоминания: В 3 кн. – М., 1990. – Кн. 3.
2. Бердяев Н.А. Анархизм // Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. – М., 1999.
3. Бердяев Н.А. Великий Инквизитор // Эл. ресурс: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/1907_134_vel_ink.htm
4. Бердяев Н.А. Государство // Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. – М., 1999.
5. Бердяев Н.А. Из записных книжек (Бердяев о себе) // Дмитриева Н.К., Моисеева А.П. Философ свободного духа (Николай Бердяев: жизнь и творчество). – М., 1993. – С. 265-268.
6. Бердяев Н.А. Мистика и религия // Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. – М., 1999.
7. Бердяев Н.А. Правда социализма // Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. – М., 1999.
8. Бердяев Н.А. Социализм как религия // Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. – М., 1999.
9. Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философии идеализма // Эл. ресурс: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/1903_050.htm
10. Дмитриева Н.К., Моисеева А.П. Философ свободного духа (Николай Бердяев: жизнь и творчество). – М., 1993.
11. Степун Ф.А. Учение Николая Бердяева о познании // Бердяев Н.А.: pro et contra. – СПб., 1994. – Кн. 1. – С. 483-500.
12. Титаренко С. А. Пневмотерапия Бердяева как способ реализации эзотеризма // Практична філософія. – К., 2005. – № 1. – С. 104-111.
13. Ухтомский А. А. В дневниках и письмах. – СПб., 1992.
14. Lowrie Donald A. Rebellious prophet: A life of Nicolai Berdyayev. – New York, 1960.
15. Murdoch P. Champbell. Der Sakramentalphilosophische Aspect im Denken Nicolaj Aleksandrovitsch Berdjajevs. – Erlangen, 1981.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Галина Дяченко – аспірантка кафедри російського мовознавства й комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка.

Наукові інтереси: філософія мови, лінгвістична антропологія, когнітивна лінгвістика.